

УДК 332.135

АГЛОМЕРАЦИОННЫЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

¹Козлова О.А., ¹Шеломенцев А.Г., ²Терентьева Т.В., ¹Макарова М.Н.

¹ФГБУН Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, e-mail: Olga137@mail.ru;

²Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС), Владивосток, e-mail: Tatyana.Terenteva@vvsu.ru

В статье рассматривается актуальная проблема использования агломерационных технологий как одного из наиболее перспективных направлений в стратегическом развитии российских регионов. На основе анализа двух современных форм агломерационных процессов, какими являются кластерообразование и урбанизация, на примере регионов Дальнего Востока авторами высказывается мнение о слабой их связанности в стратегических планах регионального развития, а также недоучете особенностей и противоречий их проявления в развитии регионального социально-экономического пространства.

Ключевые слова: стратегия регионального развития, пространственная организация региона, агломерационный фактор, кластер, урбанизация

AGGLOMERATION FACTOR IN THE CONTEXT OF TERRITORIAL DEVELOPMENT OF FAR EAST REGION

¹Kozlova O.A., ¹Shelomentsev A.G., ²Terentyeva T.V., ¹Makarova M.N.

¹Institute of Economics, the Urals Branch of Russian Academy of Science, Yekaterinburg, e-mail: Olga137@mail.ru;

²The Vladivostok State University of Economics and Service (VSUES) Vladivostok, e-mail: Tatyana.Terenteva@vvsu.ru

The article deals with the problem of using the actual agglomeration technology as one of the most promising instruments in the strategic development of the Russian regions. Based on the analysis of two contemporary forms of agglomeration processes, that are the clustering and urbanization, using the example of the Far East the authors express the view of their weak connectivity in the strategic plans of regional development, as well as underestimation of the characteristics and contradictions of their manifestation in the development of the regional socio-economic space.

Keywords: strategy for regional development, spatial organization of the region, agglomeration factor, cluster, urbanization

В последнее десятилетие выбор направлений и инструментов реализации региональной политики происходит на фоне широкой дискуссии об усилении дифференциации социально-экономического развития регионов России в контексте тенденций общей депопуляции, наблюдающегося оттока населения из мелких и средних городов в крупные мегаполисы, продолжающейся миграции населения из многих регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока. В этих условиях дальнейшее развитие национальной экономики и повышение ее конкурентоспособности во многом будут зависеть от эффективности регионального стратегического управления пространственным развитием.

На сегодняшний день сложилось два перспективных инструмента управления пространственным развитием региона. Первый представляет собой кластерную отраслевую политику, которую федеральный центр проводит в субъектах Федерации. В широкий научный оборот термин «кластер» введен М. Портером, под которым он вначале понимал «отрасли хозяйства страны, соединенные друг с другом различными

связями» [9], а позднее «географически соседствующие, взаимосвязанные компании и связанные с ними организации, действующие в определенной сфере и характеризующиеся общностью деятельности и взаимодополняющие друг друга» [3].

При определении кластера, многие авторы, как правило, акцентируют внимание на двух характерных признаках: общая территория размещения связанных между собой предприятий и наличие конкурентных преимуществ. В общем смысле под кластером понимается территориально локализованная совокупность компаний, которые в результате своего взаимодействия эффективно реализуют конкурентные преимущества данной территории [6]. Это, в целом, соответствует отраслевому подходу, в то время как региональные аспекты практически не получают должного внимания. По существу, единственным территориальным признаком кластера, независимо от сложившейся системы взаимосвязей между хозяйствующими субъектами, входящими в его состав, является признак территориальной локализации размещения экономической деятельности. Кроме этого, как отмечает

ряд исследователей, в отличие от обычных форм кооперационных взаимодействий предпринимательских структур, кластерные системы характеризуются особыми признаками: наличием «критической массы» участников кластера; высоким уровнем связанности; инновационной активностью участников кластера [1].

В контексте региональной политики кластерный подход к пространственной организации субъектов хозяйствования можно рассматривать как способ обеспечения дополнительных возможностей развития социально-экономической системы региона, т.к. позволяет сконцентрировать ограниченные ресурсы на решении ряда острых проблем региональной экономики, а именно:

- повышение конкуренции через поддержку инновационных предприятий;
- рост инновационного потенциала предприятий, формирующих кластерные инициативы в регионе;
- учет региональных факторов развития и выработка эффективных адресных программ на основе использования местных ресурсов;
- расширение взаимодействия между органами государственной власти и местного самоуправления, бизнес-сообществом и научно-образовательными учреждениями в целях повышения эффективности управленческой, хозяйственной и научно-образовательной деятельности.

По мнению И.В. Пилипенко, можно выделить четыре направления реализации политики пространственного развития в России, основывающихся на разных формах организации производства:

- реализация федеральными органами власти программ по развитию внепространственных кластеров;
- развитие федеральными и региональными органами власти существующих и создание новых территориально-производственных комплексов на основе использования эффекта размещения, концентрации, комбинирования и кооперирования;
- стимулирование развития региональными органами власти и органами местного самоуправления пространственных кластеров;
- содействие органов местного самоуправления формированию кластерных инициатив с вовлечением в процесс предпринимательских объединений, научно-исследовательских институтов и вузов [2].

В качестве примера наиболее известных развивающихся систем кластерного типа на Урале, Сибири и Дальнем Востоке можно привести «Титановую долину» в Свердловской области, кооперацию компаний аэрокосмической промышленности в Крас-

ноярском крае, формирующиеся кластеры биофармацевтических производств в Алтайском крае, Томской, Новосибирской областях, инновационный территориальный кластер авиастроения и судостроения Хабаровского края и ряд других.

На реализацию кластерной политики в регионах направлен ряд федеральных стратегических документов, например: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 №1662-р (ред. от 08.08.2009) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», Постановление Правительства РФ № 188 «Об утверждении правил распределения и предоставления субсидий федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на реализацию мероприятий, предусмотренных программами развития пилотных инновационных территориальных кластеров» (2013 г.) и др.

Заинтересованность федерального центра в развитии регионов Дальнего Востока на основе интеграционных форм пространственного развития проявляется в целом ряде взаимосвязанных программных документов федерального, регионального и ведомственного значения, разработанных в рамках системы стратегического планирования. При этом основополагающим федеральным документом является Прогноз долгосрочного социально-экономического развития России до 2030 г., в котором заложен динамичный рост регионов Дальнего Востока путем их дальнейшей интеграции как во внутринациональное, так и в мировое пространство, участия в международном разделении труда, реализующем конкурентный потенциал мегарегиона в сфере добычи и углубленной переработки природных ресурсов [4], а также обрабатывающей промышленности.

Приоритет отдается инновационному направлению, что определяет необходимость реализации крупномасштабных проектов по добыче, переработке и поставке природных ресурсов; развития энергетической и транспортной инфраструктуры, формирования промышленных и туристических инновационных кластеров. Так, например, горнодобывающие кластеры представлены в Камчатском крае, Магаданской области, Чукотском АО, Приморском крае, Сахалинской области, Республике Саха. Развитие морехозяйственного кластера наряду с Камчатским краем проводится Приморским и Хабаровским краями – эти три региона являются лидерами ДВФО в этой сфере. Рыбохозяйственная промышленность является стратегическим приоритетом для Магаданской и Сахалинской областей,

Приморского и Камчатского краев. Развитие туристического кластера в отдельных секторах элитного, оздоровительного и въездного туризма имеются в планах развития Еврейской АО, Сахалинской и Амурской областей. При этом многие регионы Дальневосточного федерального округа позиционируют себя в качестве перспективных транспортно-логистических центров регионального (Магаданская область, Амурская область, Хабаровский край, Еврейская АО, Республика Саха, Чукотский АО) и международного уровня (Хабаровский край, Приморский край, Еврейская АО).

Вторым перспективным инструментом управления пространственным развитием регионов становится формирование агломераций на базе интеграции конкурентоспособных секторов экономики регионов. Как показывает отечественный и зарубежный опыт, феномен агломерации открывает возможности экономического роста и наращивания человеческого капитала, что является факторами повышения конкурентоспособности и социально-экономической привлекательности территорий.

Одной из важных форм проявления агломерационного фактора являются урбанизационные процессы. Урбанизация, рассматриваемая как процесс повышения роли города в экономике региона, обуславливает не только экономическую, но и социокультурную трансформацию общества, изменяет ход развития поселений.

В России среди федеральных округов высоким удельным весом городского населения выделяется Северо-Западный (83,8%), Центральный (81,7%). Уральский (80,3%). К округам, превышающим средний показатель городского населения по России, относятся Дальневосточный (75,1%) и Сибирский (72,4%) [5].

В современной России идет активный процесс формирования городских агломераций – одной из качественно новых форм современного расселения населения, характеризующейся укрупнением городов с одновременным рассредоточением населения на примыкающие к городу территории. Д. Пуга отмечает, что большие метрополии свойственны развивающимся странам благодаря низким затратам на взаимодействие, положительной экономики от масштаба и более высокой эластичности предложения рабочей силы [10]. Для подтверждения данных процессов расселения в региональном аспекте воспользуемся типологией городов по критерию численности населения, приводимую в градостроительных документах [7].

Наиболее ярко данная тенденция проявляется в дальневосточных регионах, где, наряду с идущим процессом концентрации населения в крупных и крупнейших городах (рис. 1).

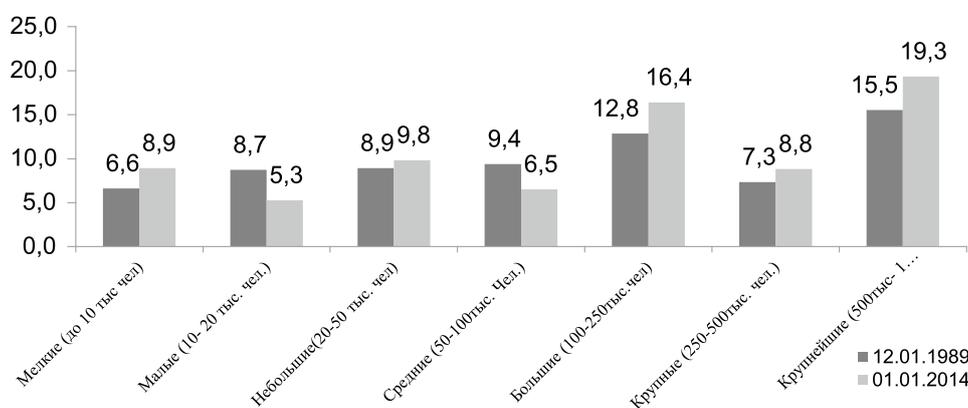

Рис. 1. Удельный вес городского населения в общей численности населения в ДФО (без учета поселков городского типа с численностью населения меньше 1000 чел.),%

Снижается число средних, небольших и малых городов (рис. 2). при увеличении числа мелких На этом фоне возрастает роль крупных и крупнейших городов в качестве центров экономического и социокультурного притяжения населения прилегающих поселений с одновременным снижением роли малых городов в процессах расселения. При этом в городах и поселениях с населением до 100 тыс. жителей, проживает две трети населения страны.

На сегодняшний день существует неопределенность в понимании дальнейших путей формирования агломераций и развития крупнейших городов. При обсуждении перспектив образования агломераций в России в основном отмечают положительные эффекты и совершенно недостаточно внимание уделяется исследованию отрицательных последствий действия агломерационного фактора. Это затрудняет систематизацию практического опыта

для целей регулирования и прогнозирования агломерационных процессов. В этом плане одной из актуальнейших проблем современной России становится сокращение человеческого и трудового потенциала

в результате депопуляции населения, что может стать существенным ограничением перспектив использования кластерных технологий в социально-экономическом развитии территорий.

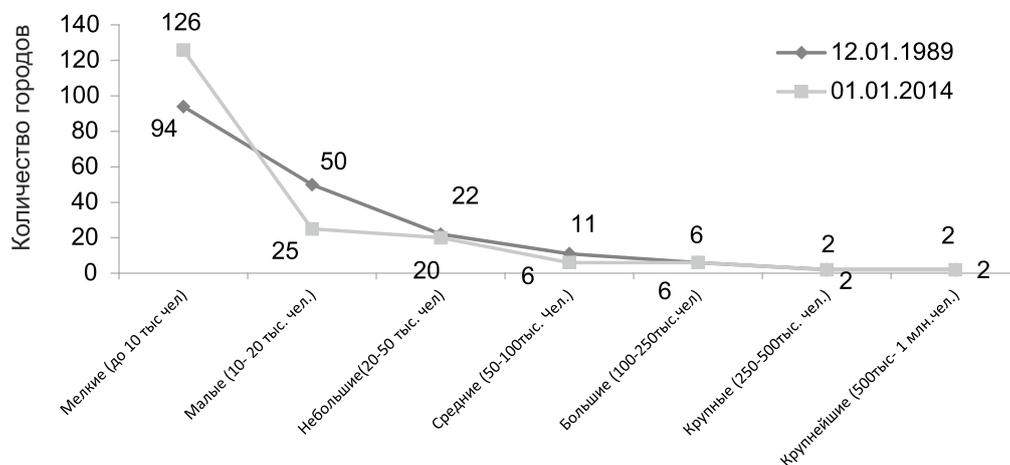

Рис. 2. Динамика числа городов в ДВФО

Свыше 70% населения Дальнего Востока живет в регионах с естественной убылью населения (до 1,5% в год). В тоже время основным источником роста крупных городов является миграция населения из сел и малых городов, ведущая к обезлюдению территории, депрессивности целых регионов. При этом отсутствие развитой транспортной инфраструктуры, сокращение объектов социальной инфраструктуры усиливает деградацию небольших поселений и создает новые стимулы для оттока населения. А это, в свою очередь, не стимулирует региональные власти решать проблемы обустройства пустующих территорий. Быстрый рост крупных городов сопровождается ростом антропогенной нагрузки на окружающую среду, социального неравенства, преступности, что, в конечном итоге, тормозит экономический рост. В тоже время устойчивое развитие малых городов и поселков городского типа, их экономической, производственной, культурной, социальной, административно-хозяйственной роли должно способствовать равномерному и гармоничному функционированию системы расселения в регионах и усилению значимости ее роли в масштабе всей страны.

Необходимо устранить данные противоречия между территориальным и отраслевым развитием регионов дальнего Востока путем гармонизации политик в сферах пространственного развития, с одной стороны, и формирования хозяйственных кластеров, с другой. Так, общепризнанным в мировом сообществе специалистом в области градостроительства Хосе Асебилю высказывает-

ся мнение о том, что наиболее эффективными могут быть не мегаполисы, а городские системы, предусматривающие синергию между малыми и средними городами с наличием нескольких полицентричных конгломератов [8]. Развитие агломераций по такому сценарию означает, что территориальные взаимодействия должны быть многообразными, охватывающими технологическую, кадровую, демографическую, социальную сферы, составляющими основу для создания и развития территориальных кластеров.

На наш взгляд, при разработке концепции территориального устройства России необходимо учитывать ряд соображений. Во-первых, при разработке стратегии развития регионов необходимо опираться не на 20-ти летний опыт стихийных поисков, а, как показывает практика, на анализ и обобщение практики за более длительный период. Так, большинство получивших реализацию современных мегапроектов прорабатывались 40-50 лет назад.

Во-вторых, тренд регионального развития формируется многими десятилетиями, постоянно находясь на стыках социальных ценностей и экономических интересов; получения краткосрочных «бонусов» и стратегических преимуществ. Поэтому приоритеты регионального развития рождаются не в головах отдельных местных или федеральных чиновников, а формируются в создании широкого круга заинтересованных представителей экспертного, научно-образовательного, бизнес сообществ, органов власти в процессе продолжительной открытой дискуссии.

В-третьих, динамичное развитие регионов должно основываться не на противопоставлении, а на согласовании и, как следствие, синергетическом эффекте, с одной стороны, формирования отраслевых кластеров, с другой, агломерационных эффектов. Попытки отказа от использования позитивного прошлого опыта регионального планирования, как показала практика, не продуктивны и ведут к обострению существующих регионально-отраслевых противоречий, а не к формированию новых источников регионального развития и повышению конкурентоспособности. Следует отметить, что тренд и принципы социально-экономического развития регионов Дальнего Востока всегда отличались от центральных регионов, включая регионы Европейского Севера. Поэтому игнорирование этого факта и попытки решения местных проблем с общих позиций только усиливали существующие противоречия.

В-четвертых, геополитическое и географо-экономическое положение Дальнего Востока диктует необходимость особого отношения государства к развитию этих регионов и выстраивания диалога с региональным сообществом. При этом ни привлечение федеральных инвестиций, ни реализация государственных программ не являются достаточным для формирования лояльного отношения со стороны местного населения, особенно в условиях огромной удаленности, различиях образа жизни, а также близости и широкого контакта со странами Юго-Восточной Азии. На наш взгляд, необходимо формирование единых цивилизационных ценностей, которые будут связывать общество в целом.

Таким образом, пространственное развитие регионов Дальнего Востока на основе стимулирования агломерационных процессов не только служит средством достижения целей отраслевых политик (структурные изменения, повышение конкурентоспособности, усиление инновационной направленности и пр.), но также может стать мощным инструментом для стимулирования социально-экономического развития региона, которое, в конечном итоге, выражается в повышении качества жизни населения, повышении устойчивости и конкурентоспособности региональной экономики.

В современных условиях региональная политика, опирающаяся на интеграцию отраслевого кластерного и агломерационного подходов и направленная на развитие территориально-хозяйственных агломераций, позволит удерживать трудовые и капитальные ресурсы в регионе, развивая экономические, социальные, культурные связи меж-

ду поселениями. Однако чтобы на практике использовать все преимущества такого подхода, необходимо выстраивать адекватную социальную, расселенческую, промышленную, транспортную, инфраструктурную, инвестиционную составляющие региональной стратегии.

Представляется, что качество процессов урбанизации и эффективность использования кластерных технологий как двух взаимосвязанных форм проявления действия агломерационного фактора на территории во многом будут зависеть от целостности ее пространственного развития. Комплексный подход к оценке, анализу и выбору путей использования агломерационных технологий будет определять успешность организации и развития всей пространственной структуры региона. Решение этой задачи государством возможно лишь путем гармоничного сочетания, с одной стороны, региональной социально-экономической политики; с другой – отраслевых политик и развития инфраструктуры.

Исследование проводилось в рамках НИР Владивостокского государственного университета экономики и сервиса «Социально-экономические факторы и инновационные механизмы реализации политики динамичного развития Дальнего Востока» (гос. задание 2014/292).

Список литературы

1. Кластерные политики и кластерные инициативы: теория, методология, практика: Кол. монография / под ред. Ю.С. Артамоновой, Б.Б. Хрусталева – Пенза: ИП Тугушев С.Ю., 2013. – 230 с. – С. 13.
2. Пилипенко И.В. Региональная модель геоэкономической стратегии повышения конкурентоспособности России: перспективы развития региональных инновационных систем в Томской и Новосибирской областях // Безопасность Евразии. – 2005. – № 2. – С. 418-429.
3. Портер М. Конкуренция. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2002. – 496 с.
4. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития России до 2030 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (дата обращения 20.09.2014).
5. Регионы России: социально-экономические показатели. Электронный ресурс. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_14p/IssWWW.exe/Stg/d1/02-03.html (дата обращения 20.08.2014).
6. Савин К.Н. Формирование и развитие регионального кластера качества жизнеобеспечения: теория, методология, практика. Автореф. дис. докт. экон. наук Тамбов, 2009. – 40 с.
7. СП42.13330.2011 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. URL: <http://www.minregion.ru/uploads/attachment/documents/2011/05/300511-s-15.pdf> (дата обращения 10.08.2014).
8. Хосе Асебильо. Современные города неэффективны. URL: <http://www.infox.ru/realty/city/2011/06/29/LAHTA.html> (дата обращения 1.09.2014).
9. Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction. N.Y.: The Free Press, 1990, Palgrave Tenth Edition, 1998. – 855 p.
10. Puga D. 1998, Urbanization Patterns: European Versus Less Developed Countries, Journal of Regional Science, Vol. 38, no. 2. – P. 231-52.